

А. Х. ШАУЦУКОВА

Северо-Кавказский государственный институт искусств

УДК
781.7(47+57)МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
АДЫГСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

Героический эпос «Нарты» — замечательная сокровищница устного народного творчества адыгов, стоящая в одном ряду с такими известными эпическими сказаниями, как «Манас», «Олонхо», «Давид Сасунский», «Песнь о Нибелунгах», «Махабхарата», «Рамаяна», эпическими поэмами «Илиада» и «Одиссея». Он привлекает внимание специалистов разных областей — историков, этнологов, фольклористов, филологов. Эпос, по мнению многих известных зарубежных и отечественных специалистов (Ж. Дюмезиля, Ш.Д. Инал-Ипа, В.И. Абаева, А.М. Гадагатля, Т.А. Гуриева, А.Гутова, Ю.С. Гаглойти, Е.А. Крупнова, М.А. и З.Ю. Кушховых, Е.М. Мелетинского, Б. Озбека и др.), относится к числу эпосов архаического характера, который, с одной стороны, в своих мотивах и сюжетных ходах непосредственно связан с мифологией, с другой, — обрел эстетическую функцию как ведущую. «Нартиаду» нельзя назвать неизученной областью, однако, как и все серьезные явления художественной культуры, она каждому читающему открывается с новой стороны, заставляя задуматься над теми или иными особенностями текста и его интерпретации. Необходимость новых, современных подходов обуславливается также тем, что в настоящий момент эпос не может рассматриваться только с точки зрения внутривидовых и технологических проблем, так как приемы и способы художественного мышления неразрывно связаны со способами миропонимания и мироощущения человека в конкретном поле историко-культурного контекста, ибо художественное произведение есть то, что можно назвать продуктом культурного самосознания. Не претендуя в свете сказанного на подробный анализ эпоса, остановимся на одной из проблем, которую можно обозначить как проблему полисемантизма художественного творчества в эпосе.

Нарты — воины, богатыри, защитники отечества, рыцари тела и духа, наделенные необычайной силой, мужеством, отвагой, военной доблестью. Основные персонажи нартского эпоса у

адыгов (а он имеет осетинскую, балкарско-карачевскую, абхазскую и др. версии) — Сосруко, Бадиноко, Шауей и др., — воюют с неприятелем и побеждают его за счет своих превосходных воинских качеств, ходят в Хасу (верховный совет), пируют, совершают подвиги, помогают людям, женятся на красавицах, рожающих им сыновей, растят урожай и веселятся на праздниках, лечат больных и т.д. Занимаются они и ремеслами (кузнец Тлепш кует оружие, равно которому нет нигде), готовят напитки (*санэ* — напиток нартов — придает силу слабым, излечивает болезни, делает стариков молодыми). Таким образом, нарты владеют всем спектром знаний, умений, навыков, помогающих сделать жизнь полной и разнообразной. Но, оказывается, всего перечисленного мало для полноценной жизни, потому что кроме жизни тела существует еще жизнь духа, которой, кроме прочего, необходимо художественное творчество, позволяющее узнавать истинную природу вещей и получать гедонистическое удовольствие.

Анализируя содержание «Нартов» через парадигматику эстетических ценностей, убеждаешься, что наибольшее значение в эпосе, наряду с искусством слова, имеет музыка. Надо полагать, что контрастность, драматизм, противоречивость определенного историко-культурного момента содействовали тому, что музыкальное творчество занимает в эпосе важнейшее место среди других искусств.

В 1950–60 годы силами ученых Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований был собран обширный полевой материал по песням, хохам (здравицам) и другим музыкальным произведениям нартов, которые сосредоточены во втором томе четырехтомной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»¹. Основная часть этих песен носит ярко выраженный героический характер и посвящена отдельным персонажам эпоса — Сосруко, Бадиноко, Батаразу и др. В них прослеживаются воинские качества этих героев, их смелость,

отвага, бесстрашие, преданность рыцарскому долгу; можно утверждать, что эти песни являются собой своеобразный кодекс героики, что, впрочем, характерно для эпоса в целом. Такими песнями «Бой Сосруко с Тотрешем», «Сосруко добывает огонь», «Батараз мстит убийце отца» и т.д. Следующую группу можно обозначить как историческую, поскольку в ней повествуется о важнейших событиях в жизни нартов. В отдельную группу можно выделить песни, восхваляющие добродетели — честность, скромность, правдивость героев, а также их превосходные физические достоинства («Выезд Сосруко из дома», «Песня об Ашамезе», «Бадиноко едет в хасу нартов» и др.)

ИСКУССТВО АШАМЕЗА

Из древнегреческой мифологии мы знаем (например, из мифов о Посейдоне и Аполлоне), что в античности существовала прочная взаимосвязь между музыкой и атлетикой. В «Нартах» такому представлению соответствует Ашамез. Сын Аши, нарт Ашамез — великий воин, его сила и ловкость, мужество и бесстрашие, непримиримость к врагу восхваляются другими нартами, признающими его доблести:

Нарты пируют
В честь Ашамеза
Первенца Аши —
Чаши большие
Ввысь поднимают.
Вот и награда, —
Старый тхамада
Чашу подносит,
Просит отведать.
«Хох!» — восклицает
И называет
Воином лучшим,
Нартом могучим².

Здесь интересно отметить, что у адыгов испокон веков огромным уважением и любовью пользовались певцы и музыканты, воспевающие воинскую доблесть, прославляющие родовые, этнические ценности, доставляющие своим искусством эстетическое наслаждение слушателю. Но они, по обычаю, сами не вступали в бой, а лишь наблюдали за ходом его развития. Считалось, что их ни в коем случае нельзя подвергать смертельной опасности, так как преемственность культурных ценностей, чьим транслятором признавали джегуако — адыгского азда (с древ-

нейших времен он организовывал мистерии, являлся знатоком и исполнителем эпоса, рассказывал легенды, сопровождая себя на музыкальных инструментах), — важнее всякого военного успеха. Ашамез, в отличие от такого понимания роли певца и музыканта, сам — один из лучших нартских воинов. Под стать и его внешний облик:

Всадник летит на коне ретивом,
Белая грива — что снег в горах.
С тонкою шеей конь сухопарый,
Всадник под пару ему — красив!
Поясом стянут стан муравьиный,
Взор его львиный горит огнем.
Кто ж этот юноша смелый, стройный?
То беспокойный нарт Ашамез³.

Но особая, отличительная примета облика нарта Ашамеза — свирель, с которой тот не расстается никогда. И это не просто свирель, а свирель бога плодородия Тхаголеджа. У нее два конца — белый и черный, и песни, льющиеся из разных концов, совершенно разные. Если Ашамез дует в белый конец — на земле расцветает все живое, наступает изобилие, природа празднует расцвет, а люди переживают благоденствие. А если бы он подул в черный — поггло бы все сущее, засохли бы растения, перестали бы плодиться животные, человек впал бы в горе и печаль. Но Ашамез играет только на белом конце свирели, а значит:

Всюду цветенье,
Пенье, журчанье;
Юноша добрый
Бодрую песней
Вести о счастье
Любям приносит.
Где ни промчится
Он со свирелью -
Всюду веселье,
Всюду обилье,
Мир и покой⁴.

Таким образом, музыка выступает как бессознательная, вездесущая воля, преобразующая мир, как сила, утверждающая гармонию, — ведь мир без гармонии и красоты существовать не может. Однако подлинная гармония никогда не лежит на поверхности, ее необходимо утверждать и культивировать, ей нужно служить так, как служит Ашамез:

Он запоет — и земные недра
Щедро обильем дарят людей,
Дивной свирели звучное пенье
Миру цветенье и мир несет.
Нивы тучнеют, луга пестреют,
Переливаются, все в цвету.
Степь, изнывающая от зноя,
Будто волною вся обдана.
Павшее в землю малое семя
Русло сухое стало рекою,
Стало глубоким морское дно,
Скованным лютым крутым морозом,
Травам и лозам стало тепло,
Лопаются на деревьях почки,
Блещут листочки на их ветвях⁵.

Напрашивается прямая параллель с Орфеем — героем древнегреческой мифологии. Как и Орфей, Ашамез влияет на слушателей, оказывая на них мощное эстетическое воздействие.

Стоит заметить, что до сих пор эту особенность Ашамеза нартоведы не отмечали, а А.Т. Шортанов — собиратель, аналитик и популяризатор «Нартов» — отрицает наличие в эпосе мотивов умирающей и воскресающей под воздействием музыки природы. К примеру, он пишет, что не видит в адыгском эпосе в образе Ашамеза каких-либо качеств «умирающего» и «воскресающего» мифологического божества, которые находит в осетинской версии эпоса В.И. Абаев⁶.

Боги наделили Ашамеза необычайной музыкальностью не просто так, никто и никогда не слышал столь чудесную игру и пение. Удивительные свойства свирели нарта-музыканта останавливают кровавую битву, примиряют враждующих, утешают в горе и несчастье. Воспринимаемая сладчайшие звуки свирели, люди освобождаются от внутреннего напряжения и волнения, восстанавливают душевное равновесие, звуки музыки уводят их в мир грез, помогают обрести внутреннюю гармонию, дают человеку силы жить дальше. Своими прекрасными звуками свирель Ашамеза и его волшебное пение компенсируют жизненные потери людей, а серые будни превращают в яркий, радостный праздник:

Звуки умчали
Тяжесть былую.
Жизнь расцветает.
Тает все злое.
И над землею
Снова обилье.
С легким усильем

Дунул в свирель он —
И запестрели
Долы цветами;
Русло сухое
Стало рекою,
Море — глубоким,
Горе — далеким.
Злаки тучнеют,
Маки краснеют⁷.

Фабий Квинтилиан, римский философ, говорит о том, что музыка в древнейшие времена являлась неотъемлемой частью научного знания и религиозного почитания, она — та возвышенная сфера деятельности, в которой мудрость и верование тесно связаны с художественным творчеством, поэтому одни и те же лица, по мнению философа, занимаются музыкой, поэзией, пророчеством, науками: «можно подумать, что древняя мудрость была особенно направлена на музыку». Именно поэтому, считает Квинтилиан, Аполлона причисляют к богам, а Орфея — к полубогам и считают их самыми музыкальными и одновременно мудрейшими.

То же мы видим и в «Нартах». В образе Ашамеза неразрывно связаны божественный дар музыканта и духовное прозрение мудреца и философа. Он знает тайны тона и ритма, лада и музыкальной гармонии — ведь на его свирели никто другой так играть не в силах. Именно знание тайн творчества позволяет ему властвовать над скрытыми силами природы. Ашамеза слетаются слушать птицы, замороженно внимают звукам его голоса не только люди, но и животные, вся природа очарована его искусством.

В «Нартах» подробно описывается, как своим чудесным пением и игрой на свирели Ашамез оживляет и преобразует природу, зачаровывая не только людей, но птиц и зверей, которые начинают плясать в лад с его музыкой. Игра нарта приводит в движение горы и леса: «Взошел на гору удалец Ашамез, забрался на самый высший утес, приложил он свирель к губам и заиграл. И под чистые звуки его свирели по-бычьи взревели, закинув ветвистые головы, рогатые олени пустились в дробный пляс. И в глубине дремучего леса пугливые серны, подпрыгивая выше деревьев, начали свою легкую пляску. С крутых Черных скал выбежали черные козлы, стремительный пляс завели с круто-рогими турами — чудеса проворства показали они в этой пляске. Вбежали на обрывы пугливые лани и косули, смотрят они вниз в доли-

ны, где начались грозные игры... Не утерпели зайцы и лисицы, наперегонки помчались они друг за другом по гладкой равнине, и все дикие звери стадами потекли по широким лугам»⁸.

Все живое с замиранием сердца внимает волнующей музыке Ашамеза — в высоких южных горах она разбудила черно-бурых медведей, волки, собравшись в стаи, напрягли уши, чтобы лучше слышать звуки свирели, пчелы и бабочки, остановив свой полет, присели на благоухающие цветы, которые, свою очередь, качаются в такт прекрасной мелодии. Но не только живая природа очарована игрой и пением Ашамеза — выжженные летним зноем холмы оделись в зеленую листву, горы громовыми голосами вторят музыканту, тают ледники и множество веселых ручейков сбегают по склонам Ошхамахо, горы счастья, и все это сделали восемь ладов свирели Ашамеза.

Печать вдохновения на лице исполнителя, его взгляд, проникающий до глубины души — таким рисуется в нашем воображении нарт Ашамез, умеющий укрощать звериное начало и пробуждать божественное сознание, в чьих силах преобразовывать земные ритмы, звуки, слова и образы в божественную мудрость.

Искусство Ашамеза имеет еще одну ипостась — оно формирует мысли, чувства, желания слушателей, оказывает на них огромное воспитательное воздействие. Платон говорит, что искусство более всего захватывает человека и побуждает его подражать образцам прекрасного, оно формирует его душу, и в этом плане особенное значение придает музыке. В частности, об этом он пишет в книгах «Государство» и «Законь», развивая мысль о значении музыки в воспитании добродетельного, мужественного, честного, уравновешенного человека, гармонически развитого. Об этом же говорил и Аристотель, подчеркивая, что музыка воздействует комплексно и на душу, и на ум, и нет такого уголка человеческого духа, который она не может затронуть своим влиянием.

В эпосе мы видим, как Ашамез посредством игры на свирели вызывает у слушателей катарсис — очищение посредством «подобных аффектов», передает свой опыт отношения к миру, тем самым вырабатывая ценностные реакции по отношению к определенным жизненным ситуациям, социализируя личность слушателя и утверждая самооценку нравственных устоев, внутренних и внешних качеств:

Славы достоин
Юноша — воин,
Нарт тонкостанный.

Всюду желанный.
Нартской свирели
Звучные песни
Служат народу,
Учат природу⁹.

Но не только люди обращаются к нему в час бедствия, все живое ищет у него защиты:

И собираются вокруг него
Полуживые звери и птицы,
Голубь садится к нему на грудь,
Львы исхудавшие встали рядом,
Жалобным взглядом смотрит медведь,
А зареветь — уж давно нет силы...
Вот подползает тигр полосатый,
Стройный рогатый бредет олень.
Все они юношу окружают,
Будто желают что-то сказать¹⁰.

В музыке и пении Ашамеза мы видим тяготение к философичности. Например, в противостоянии зла и добра. Вот свирель Ашамеза попала к злобному дракону:

Юноша черный
Словно медведь,
Страшно глядеть!
Со зверем он схож,
Шея, как еж,
Мало красы:
Даже усы,
Как разглядишь —
Чистый камыш!¹¹

А вот дракон, завладев свирелью, играет на ее черном конце:

Горе! Достиг он желанной цели —
Черный конец свирели у губ!
Дует в него он, и душным зноем
Небо и землю жжет суховей,
Все выгорает, все умирает.
Всадник все злее и злее играет
И пропадает в глуби небес¹².

Звуки, извлекаемые из черного конца, поистине губительны для всего живого:

Русло иссохло. Все обгорело,
Все пожелтело на берегу.
Ветер сухой да камней глыбы,
Мертвые рыбы на дне пустом.
Нет животных, нет растений,
И от селений нету следа¹³.

Таким образом, добру, утверждаемому Ашамезом и направленному на объединение, коммуникацию людей, людей и животных, всего сущего, на установление взаимопонимания, согласия, мира и процветания, милосердия и любви противостоит зло дракона, сеющего ненависть, злобность, враждебность, насилие. Соответственно в «Нартах» через образ Ашамеза и дракона показана диалектическая взаимоопределенность, содержательный дуализм вечных начал на земле. Интересно отметить, что добро и зло, по сути, соединены в одном предмете, они не от человека и не от Бога, а существуют сами по себе, поэтому тот, в чьи руки попадет свирель, будет определять будущее мира, всего живого. Таким образом, случайность, оказывается, сила, имеющая в «Нартах» самодостаточное значение. Это не просто взаимоопределение концепции противоположностей, а функциональное взаимообусловление, в котором добро нормативно значимо в противоположность злу и его отвержению.

Впрочем, можно здесь говорить и об априорном, непосредственном знании зла и добра, истины, объективной связи вещей, не нуждающихся в доказательстве. Здесь мы усматриваем еще одну функцию искусства Ашамеза — умение, минуя индуктивный, логический путь, через образ осознать философскую истину как самоочевидную, ведь метафизическая сущность бытия зла и добра не нуждается в формализации. Кроме того, одна из функций искусства Ашамеза — способствовать единению людей, их взаимопониманию и взаимодействию. Известно, что многие племена в древности, заключая перемирие в войне, устраивали общий танец и пение, сплавляющие их в едином ритме. Более того, в данном случае можно говорить о коммуникации всех природных стихий — гор и ущелий, деревьев, шелестящих изумрудной листвой, таинственного света луны и звезд, энергии жара солнца, растений и животных в бесконечном множестве разнообразных чудес формы, наконец, человека как высшего создания природы. Все это обобщается музыкой волшебной свирели как средоточие творческих сил Вселенной, как самый вдохновенный и красочный язык всего сущего, поэзия жизни. Игра и пение Ашамеза — гимн идеальному миру чувств, красоты и совершенства.

Дышит прохладой простор пустыни.
Бродит в долине довольный скот.
Всюду свирель Ашамеза славится,
Здравица жизни слышна везде¹⁴.

Такая музыка не может не доставлять наслаждения слушателю гармонией звуков, она рождает особый, духовный вид гедонизма. Музыка Ашамеза — сфера его особой свободы, мастерского владения эстетическим богатством мира. По этому поводу Хейзинга говорит: «Настроение игры есть отрешенность и воодушевление — священное или просто праздничное, смотря по тому, является ли игра просвещением или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку»¹⁵.

ИСКУССТВО ДЖЕГУАКО

В контексте сказанного стоит совершить небольшой экскурс в традиционную культуру адыгов. А. Веселовский, путешествовавший в первой половине XVIII века по Кабарде, увидел музыкантов — джегуако, один из которых так определил свою цель: «Я одним своим словом делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, незаконного»¹⁶.

Из слов адыгского аэда становится ясно, каким огромным влиянием в обществе пользовались певец и сказитель. Об этом же говорил собиратель и переводчик нартских сказаний у татар-горцев Пятигорского округа (кабардинцев) С. Урусбиев. Ведя речь о нартских песнях, он подчеркнул, что и пелись они знаменитыми в Кабарде бродячими певцами — поэтами, называемыми гегуако: «Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали какого-нибудь сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах давно минувших, или, воспевая какие-нибудь важные современные события, прославляли современных героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они разносили свои произведения по Кабарде»¹⁷.

Далее, продолжая описывать реакцию слушателей, С. Урусбиев продолжает: «Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое: один поправлял папаху, другой кинжал, третий хазыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте»¹⁸.

Продолжая эту тему, отметим, что на протяжении многих веков музыка играла в жизни адыгов не только эстетическую роль, но и магическую, трансцендентную, а также регулировала многие социумные механизмы. Например, родители и родственники, желающие, чтобы новорожденный прославил свой род и свою фамилию, став взрослым, заказывали джегуако колыбельную песню, в которой последний описывал добродетели семьи, где появился младенец, отмечал достоинства его предков, его родителей, наконец, «программировал» ребенка на прекрасную жизнь. Песни при этом сочинялись без всякой просьбы в честь героя. Об этом пишет В. Кусиков: «Как только герой пал на поле битвы, его ближайшие родственники созывают со всех сторон самых знаменитых певцов и, поместив их в ближайшем лесу, придерживают их до тех пор, пока они не сложат песню. Утром они оставляют общее жилище, бредут в разные стороны и в глуши леса каждый сочиняет отдельно на одну и ту же тему. Но вечером, сходясь вместе, представляют их на общий суд все придуманное каждым порознь. Таким образом, случается, что целый месяц певцы просиживают в лесу. Наконец, песня готова. Все подвиги героя воспеты. Тогда по данному знаку в ауле готовится пир, где во всеулышанье распевается новая песня, певцы разносят везде новую песню, все с жаром затверживают ее. Вот таким образом каждая вновь сочиненная песня у черкесов делается достоянием всего народа...»¹⁹.

Понятно, почему песне верит каждый — в ней невозможно лукавить, сказать неправду. Есть очень важный, традиционный песенный жанр у всех адыгов — «очистительная» песня. Таковую сочинял, как правило, сам невинно обвиняемый, чтобы смыть позор — не так страшно умереть, как быть опозоренным. Историки песни говорят о случаях, когда человек, невинно приговоренный к смерти (что бывало в силу несовершенства правосудия в определенном историко-культурном периоде), за ночь сочинял очистительную песню, из которой следовало условие его невинности, и был прощен — такова сила искусства, сила песни, которой адыг не может безоговорочно не верить. Мы остановились на этом моменте подробно, чтобы подчеркнуть значение и роль песенного искусства, музыки в картине мира адыгов. Возможно, поэтому образ Ашамеза выписан в адыгском варианте «Нартов» самым тщательным образом, он — один из основных героев эпоса в отличие от всех других существующих версий (например, в осетинских

сказаниях Ашамез — один из второстепенных героев, в абазинских «Нартах» Щамаз встречается лишь в одной легенде («Насран и Щамаз» и т.д.)

...Свирель Ашамеза издает то легкие воркующие звуки, то интенсивно выразительное звучание; переливы нежнейших мелодий рожают гармонию ритмов и тембров, сочетая глубокое духовное содержание с беспредельной красотой и тембровым разнообразием звучащей материи. Она, подобно светилу, посылает всюду свои вдохновляющие лучи, вводя слушателя в глубочайшие внутренние сферы воображения и фантазии, наполняет сердце неизъяснимым, таинственным, магическим ощущением экстаза и красоты. Она раскрывает мир фантазии, отвечая на извечное желание человека и его неутомимое стремление к вечной красоте, к идеалу.

Из истории музыкальной культуры адыгов известно, что джегуако играли на разных инструментах, манера и техника игры на которых совершенствовались веками, а секреты исполнительства передавались из поколения в поколение. Основные из них: «шикапшина» (шыч'эпшынэ) — смычковый струнный инструмент наподобие скрипки, «пшина дикако» (пшынэ дык'уак'уэ) — щипковый струнный инструмент типа угловой арфы, «апапшина» ('эпэпшынэ) — щипковый струнный музыкальный инструмент типа балалайки, камыль (к'эмыл) — вид продольной открытой флейты, сырын (сырын) — вид свистковой флейты, пшинакаб (пшынкэ'эб) — смычковый струнный инструмент типа виолончели, шантирип (шэнт'ырып) — ударный мембранный инструмент типа барабана, пхачич (пх'эц'ыч) — ударный самозвучающий инструмент типа трещотки.

В традиционной музыкальной культуре также использовались инструменты, заимствованные у других народов, но ставшие национальными и являющимися наиболее популярными в данный момент. К таковым, безусловно, относится пшина — язычковый инструмент типа гармоники, на которой исполняются народные мелодии в наши дни.

Бжамий (бж'эмий) — свирель — стоит особняком в эпосе. Изобрел этот инструмент якобы сам Ашамез, и об этом в «Нартах» говорится следующее. Будучи в далеком походе, Ашамез сильно устал и лег отдохнуть под огромное дерево. Как только нарт заснул, пошел сильный дождь, началась гроза, которая обломала большую ветку. Ашамез проснулся не от шума грозы и не от хруста обломившейся ветки, а от чудесных звуков, которые рождает ветер, дувший в дупло, выеденное червями. Заинтересовавшись

удивительной музыкой ветра и дерева, он взял ветку, сделал в ней углубление и стал в нее дуть. Так якобы появилась свирель.

Принципиальное качество музыки Ашамеза — ее синкретизм, слитность, нерасчлененность составных элементов, душа этой музыки — бескорыстная радость эстетического наслаждения самоценной личности. Играя на свирели, Ашамез не просто удовлетворяет эстетические потребности, его музыка вбирает в себя все, что имеет жизненно важное значение для общества. Его игра, переживаемая как чудо, реализует себя как священный, сакральный акт, а аналитическая тяга к абсолюту превращает реальный мир в идеальный.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод: музыкальное искусство Ашамеза в адыгском героическом эпосе «Нарты» существует во имя людей, его высшая цель — нести радость бытия, гармонию жизни, его цель — сделать людей счастливыми, сделать их жизнь достойной. Другими словами, музыка и пение нарта Ашамеза многофункциональны — они воспитывают, дают познание, предсказывают будущее, оказывают сверхсмысловое, внушающее воздействие, утверждают самоценность личности, доставляют ей эстетическое наслаждение, пробуждают в человеке творческий дух, расширяют горизонты познания, непосредственно воздействуют на индивидуальное мировоззрение и мироощущение, социализируют личность, утешают и вну-

шают надежду, они преобразуют мир, в котором человек — наиболее значимое звено всего сущего.

Но главнейшее составляющее искусства Ашамеза трудно вычленишь дискурсивно, так как содержание всякого художественного явления, особенно в музыке — сугубо духовный феномен, в принципе не поддающийся описанию и логическому анализу. Поэтому, на наш взгляд, речь может идти об иррациональных, непостижимых механизмах творчества и его восприятия в «Нартах», в соответствии с которыми Ашамез и его волшебная свирель реализуют метафизику искусства. Действительно, в поисках формул и алгоритмов художественного творчества нельзя не учитывать того, что творческий акт не может быть измерен четкими критериями, а непроговариваемые, нерациональные стороны искусства находятся в определенной оппозиции к нормативности, адаптированным формам оценки всякого истинно творческого акта. Об этом еще раз заставляет задуматься образ воина-художника Ашамеза, одного из центральных героев адыгского героического эпоса «Нарты» — сокровищницы не только этнической, но и мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адыгские песни и наигрыши. — Нальчик, 1981.
² Нарты. — Нальчик: Эль-Фа, 2003. — С. 254. — Пер. В. Звягинцевой (здесь и в примеч. 3–4).
³ Там же, с. 258.
⁴ Там же, с. 274.
⁵ Гадагатль: героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. — Майкоп, 1987. — С. 350. — Пер. А. Кулаковского.
⁶ Нарты..., с. 254.
⁷ Там же. — Пер. В. Звягинцевой.
⁸ Там же, с. 260.
⁹ Там же, с. 261. — Пер. В. Звягинцевой (здесь и в примеч. 10–13).

¹⁰ Там же, с. 262.
¹¹ Там же, с. 282.
¹² Там же.
¹³ Там же, с. 274.
¹⁴ Хейзинга. Мир и человек. — Киев, 2002. — С. 412. — Пер. автора.
¹⁵ Там же, с. 350.
¹⁶ Цит. по: Гадагатль..., с. 282.
¹⁷ Там же, с. 284.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Кусиков В.О. О поэзии черкесов // Ставропольские губернские ведомости. — 1861. — № 1.

Шауцукова Людмила Хажсетовна

доцент, кандидат культурологии,
 зав. кафедрой общегуманитарных
 и социально-экономических дисциплин
 Северо-Кавказского государственного института искусств